

Синьи дрожала, думая о возможном возрасте владельца руки, ждущего у кареты.

Она вспомнила служанку Гу Дай, которую прислали в Старую долину месяц назад. Она принесла письмо от родителей.

[Уважаемая Синьи, я надеюсь, тебе было хорошо все эти годы. Мы скучали по тебе, но бизнес процветает, поэтому мы не можем легко оставить дела, чтобы навестить тебя. Я надеюсь, ты на нас не сердишься. Твоя сестра также на выданье в настоящее время, так что ваша мама вся в заботах.

Что касается тебя, не беспокойся о своем замужестве. Мы не забыли тебя, несмотря на то, что ты отдалилась от нас. Эта девушка, Гу Дай, теперь твоя служанка. Твоя Ма будет забрана обратно после вхождения в дом Лей Мин, вашего мужа. Он новый губернатор этого региона. Император указом обручил вас. Оставь с собой Гу Дай, а Ян Ма пусть вернется в дом Сиань. Но помни, не показывай никому свои способности, даже своему будущему мужу. Он может подумать, что ты сумасшедшая. Помни, твоя и наши жизни теперь зависят от него.

Я желаю тебе радости в браке. Мы все рады за тебя, ты выходишь замуж за хорошего и уважаемого человека. Желаю тебе большой удачи и долгой жизни.

Сиань Ланг.]

После прочтения письма Синьи плевала на траву. Она хотела много сказать и найти лучшие эпитеты, чтобы охарактеризовать ситуацию, но единственное слово, которое пришло на ум:

«Треш».

Заботился ли он на самом деле обо мне и желал счастья, как написал в единственном за эти годы коротком письме?

Она перечитала письмо. В конце концов, она не увидела никаких признаков заботы, как это у любящих родителей.

Даже сейчас, вспоминая письмо, ей хотелось избавиться от содержимого своего желудка.

Находясь все еще под впечатлением письма, Синьи знала, что любви от своих родителей ей не получить. Он сдала глубокий вдох и вспомнила слова Ян Ма:

- Ваше имя означает сердце, разум и душу в гармонии или в радости. Живите по смыслу своего имени, и удача появится на вашем пороге.

Синьи посмотрела на небо, сделал еще один глубокий вдох, думая: «Лучше жить без этих

бессердечных людей».

Но увидев эту руку, предложенную прямо сейчас, ей стало жаль себя. Она была никем, кроме жалкого куска пирога в игре ее отца. Почему она родилась в этой семье? Если бы она могла, она бы предпочла быть дочерью фермера, чем ребенком высокопоставленного чиновника.

Тошнота подкатила к горлу от воспоминаний о том, что родители ни разу ее не навестили, после того, как отправили как можно дальше. Это то же самое, что открыто заявить, что они с ней не связаны.

«Они даже забрали Ян Ма, чтобы я молчала. Черт побери, этих родителей. Подождите! Я найду способ добыть документы, и освобожу Ян Ма. Не удивительно, что они послали за мной. Оказывается, губернатор старый чудак. Если бы он был красивым молодым человеком, они не посмели бы послать за мной. Они бы выдали за него мою сестру. Точно».

И ей было все равно на вражду между кланами.

Синьи съежилась, как будто кто-то заставил ее выпить горькое лекарство, когда она смотрела на худую руку с мятой кожей, обтягивающей кости, предложенную ей.

«Сколько ему? 60 или 70? Или, может, он в шаге от смерти, и решил напоследок жениться на молоденькой девушке? Ни за что!»

Если бы ей разрешили отбросить занавеску, и она знала, куда идти, она бы предпочла пойти самостоятельно без его помощи.

Вне кареты этот бедный старик был не кто иной, как сторож губернатора, который отправил его за себя. Сам же губернатор зашагал к особняку.

Старик дрожал, потому что понятия не имел, что делать. Невеста внутри не подавала ему руки. Он оглянулся, заметил дежурившего мальчика, Конг Ханьянга и молодую девушку Гу Дай, которых вчера прислали из семьи Сиань для первой леди дома.

Пока Синьи вела внутренние дебаты, старик убрал руку, подзвав Гу Дай, чтобы она встала вместо него. Таким образом, Гу Дай предложила руку помощи, которую увидела Синьи. Ей не нужно было держать за руку старика, и она ухватилась за руку служанки, как за спасительную соломинку.

Выйдя из кареты, она увидела несколько пар ног, стоящих рядом на обочине. Слева стоял мужчина-прислуга. Справа Гу Дай, руку которой она не отпускала.

Синьи пыталась припомнить рассказы о свадьбах, которые читала в книгах. Ей было интересно, какая часть свадебной церемонии будет дальше. Будет три варианта? Пара будет кланяться

небу, родителям (бесстыдным, которые даже не явились), и людям. Или, может быть, сразу банкет?

- Куда мы идем? Что нам еще предстоит сделать? – спросила Синьи.

- Ах, на самом деле, лорд Лей Мин решил пропустить оставшиеся ритуалы, и лорд Сиань Ланг согласился избавить вас от большого напряжения. Мы пойдем сразу в комнату, и вам нужно только ждать внутри. Позже вы обменяетесь напитками с лордом Лей Мин и на этом ритуальная часть окончена.

Синьи кивнула, оценив точность объяснения информации. Единственное о чем она задумалась, так это о согласии ее отца во всем с губернатором.

«Было ли это потому, что губернатор был очень старым и должен рано ложиться отдыхать? Что ожидает меня впереди? Но больше всего меня волнует, что я дубу делать со старым человеком, как с мужем?»

После того, как ее проводили в комнату, ее лицо потускнело. Синьи присела на шелковую красную постель.

Красивый шелк снова напомнил ей о вещах, про которые рассказывала Ян Ма, про брачную ночь. «Переплетающиеся голые тела». Она не могла удержаться от мысли: старая сморщенная рука раздевает ее, а потом он голый стоит перед ней.

«Ах! Нет, я не хочу видеть обнаженное сморщенное тело перед мной».

Чувствуя себя несчастной, она сняла вуаль. Ее гладкая чистая кожа блестела от пота. Большие красивые глаза с длинными ресницами расстроено уставились в пол.

В ее голове промелькнул рисунок из книги, принесенный ей от одной бабушки, с которой она подружилась, живя в долине. На рисунке был сутулый старик с палкой в руке, его торс был обнажен. Хорошо просматривались кости и ключицы с увядающей сухой кожей.

Потом она вспомнила другое... перепутанные тела. «Вах...! Нет! Целующиеся морщинистые губы на худом лице с глубокими глазницами. Нееет!»

Ей так хотелось сбежать, но она должна была подумать о слугах. Их могли обвинить в пренебрежении к своим обязанностям. И, конечно, она не могла взять их с собой. Было бы несправедливо к ним, и оставить их здесь, и превратить в беглецов.